
ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 913.1/913.8

РОЛЬ ФАКТОРА ПРОСТРАНСТВА В НАУКАХ ОБ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

© 2015 г. М.П. Крылов

Институт географии РАН, Москва, Россия; mpkrylov@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.09.2014 г.

“География – самая важная наука о человеке. Это становится все яснее по мере отступления истории в ее государственно-идеологическом облике. Главным оказывается – кто где привык жить, на какой траве сидеть... Маркса побеждает не столько Форд, сколько Бокль. Географические аргументы отрывают Абхазию от Грузии, нарезают на ломтики Боснию, не дают России повторять разумные ходы Чехии”. Вайль П. [2, с. 213]

Рассматривается значение фактора геопространства для наук об обществе. Обсуждается вопрос о многообразии способов учёта фактора геопространства в науках об обществе и в географии. Обращается внимание на координаты времени и пространства, на стратегии учета неоднородности пространства. Анализируются причины невнимания обществоведов к фактору геопространства. Показано, что систематический отказ от учета фактора геопространства приводит к накоплению погрешностей, в результате чего становится вероятным искажение реальной картины процессов в обществе. Ставшее популярным понятие, претендующее на учёт фактора пространства – сеть (сетевой ландшафт) на самом деле является антагонистом геопространства. В России традиция невнимания к фактору геопространства восходит к марксистской схеме: всеобщее – особенное. Местные особенности, составляющие геопространства, считаются частями, не выходящими за рамки целого. Показано, что такая конструкция не обязательна. Марксистская традиция невнимания к фактору геопространства неверна также и с общетеоретической точки зрения. В мировой практике сложилась ситуация, когда альтернативные теории (в частности, эволюционные теории Ч. Дарвина и Л.С. Берга, экономические теории кейнсианства и монетаризма) имеют различную фактологическую базу, основанную на учёте эмпирического материала, относящегося в том числе и к разным, *не совпадающим* между собой фрагментам геопространства. В практике российских социологов априорная трактовка любых фрагментов геопространства как взаимозаменяемых приводит к малообоснованным, спорным результатам и маскирует несопоставимость теоретических выводов различных групп исследователей. Критически рассмотрено современное состояние культурной географии. Дается негативная оценка отказа в современной культурной географии от давних исследовательских традиций (антропогеографии и др.), в результате чего ныне мало внимания уделяется исследованию разнообразной местной специфики. Потерян интерес к изучению особенностей повседневной жизни и мировосприятия людей – к тому, что всегда составляло ядро культурной географии. Критически рассмотрены результаты исследований в области моделирования географических образов. Показано, что новые тенденции в развитии культурной географии объединяют ее с разработками в области политических технологий. Даются предложения по возрождению традиций культурной географии. По мнению автора статьи, наиболее перспективным направлением в культурной географии должно быть “неоклассическое”, соединяющее тщательный анализ разнообразных местных условий с теоретическими обобщениями, с неформализованной теоретической географией. Такая культурная география, с точки зрения автора статьи, сможет выполнять функции соединения (координации) различных наук об обществе.

Ключевые слова: науки об обществе, культурная география; географическое пространство, способы учёта фактора географического пространства, неоднородность географического пространства, местные культурные особенности; традиции культурной географии, неоклассическая культурная география.

В последние годы ведется обсуждение роли фактора географического пространства (далее: пространства) в механизмах самоорганизации экономических, социальных, культурных и политических процессов. Разрабатывается Программа фундаментальных исследований Президиума РАН “Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез” (2009–2011 гг.).

Результаты исследований по Программе обобщены в монографии [30]. Начиная с 2012 г. данная Программа продолжена ещё на три года – под названием “Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал”. Наряду с этим проводились методологические обсуждения; отметим, например, Круглый стол ЦЭСПИ ИМЭМО РАН “Пространственный фактор современных политических изменений: проблемы концептуализации” (20 ноября 2013 г.), в котором принял участие автор настоящей статьи.

Многообразие возможных способов учёта фактора пространства в науках об обществе и в географии. Исследователями обращается внимание на принципиальный парадокс: несмотря на очевидную, казалось бы, роль пространства (понимаемого как пространства географического), его учет совершенно недостаточен. В то же время пока не сформировалась сколько-нибудь единая точка зрения относительно конкретных форм, направлений и даже степени необходимости, вариативности или однозначности учета фактора пространства, фокусировки тех или иных исследований на пространственный подход. Тем не менее, опыт учета фактора пространства имеется, прежде всего, в работах самих географов.

Пространство и время: приоритеты при учёте фактора пространства в науках об обществе и культуре. Фактор пространства сопряжён с координатами времени и пространства, взаимодействием этих координат при выделении геопропространственных объектов в обществе и в природной среде обитания человека (стран, ландшафтов и т.д.). Это – исходная логическая позиция (этап) при учете фактора пространства в науках об обществе и культуре.

Введение координат времени и пространства в социокультурных системах может осуществляться по-разному, при разной ориентации на координаты времени и пространства – в зависимости от методологических установок и концептуальных допущений исследователей или научной школы. Возьмем для примера классические работы А. Геттнера и В.П. Семёнова-Тян-Шанского и не-

давние, но уже ставшие классическими, работы И. Валлерстайна.

Для А. Геттнера [4] наиболее важной координатой является *пространство*. Данное утверждение необходимо уточнить, поскольку содержание концепции А. Геттнера часто трактуется упрощенно; утверждается, в частности (разными авторами в разной редакции), что А. Геттнер якобы пытался исключить координату времени из географии, что неверно [15]. Для А. Геттнера первичным, исходным является определенный пространственный ареал, в рамках которого обсуждаются вопросы генезиса и эволюции фиксируемых в его пределах явлений.

Напомним в связи с этим, что в свое время И.М. Забелин [9, 10], а также (с несколько других позиций) А.Ю. Ретеюм [22] критиковали учение о морфологии ландшафта Н.А. Солнцева, напоминающее (утрировано) концепцию А. Геттнера – у Н.А. Солнцева, в отличие от А. Геттнера, роль пространства явно преувеличена.

Морфология, как ее понимает Н.А. Солнцев – в смысле пространственного устройства, – пишет И.М. Забелин, – в действительности не есть морфология (учение о жизненных функциях отдельных частей системы). Это всего лишь “ареалология” (анализ особенностей размещения и совместной встречаемости явлений), связанная с анализом частных закономерностей размещения, дающая исследователю существенно меньше информации, чем изучение геосистем и экосистем [10].

У И. Валлерстайна [33] основным критерием выделения социальных единиц в конечном счете оказывается время, устойчивость во времени и в связи с этим – также и в пространстве социальных (социокультурных) пространственно-временных образований. Если, по А. Геттнеру, возможно изложение истории в рамках некоторых “естественных” пространственных пределов (допустим, история Индии), то для И. Валлерстайна такой подход методологически неверен в принципе, так как в прошлом на территории современных государств существовали иные пространственно-временные образования, далеко не всегда генетически связанные с современными.

Подход, содержащийся в книге В.П. Семенова-Тян-Шанского “Район и страна” [26], представляет собой пример пространственного географического анализа – “чисто географического” метода исследований. В отличие от А. Геттнера, В.П. Семенов-Тян-Шанский здесь рассматривает, по сути, сугубо пространственные ситуации. В то же время тексты В.П. Семенова-Тян-Шанского, содержа-

щиеся в многотомной “России” [24], в частности, посвящённые поиску параллелей, аналогов и закономерностей развития городов Российской империи, в известных теоретических работах по геополитике, политической и экономической географии, выходят за рамки узко понимаемой географии и могут считаться примерами учёта фактора пространства не только в географии, но и в науках об обществе, гармонично включающем координаты времени и пространства.

Известный теоретико-географ А.М. Смирнов [27 и др.] многократно обращал внимание на весьма существенный, с его точки зрения, дефект учета фактора пространства, по А. Геттнеру. А.М. Смирнов писал, что ошибочно ограничение изучения пространственных отношений лишь связями “местного с местным же”, при игнорировании разнообразных глобально-регионально-локальных взаимодействий. Отчасти это критическое замечание оказывается преувеличением, так как оно не всегда соответствует конкретным работам Геттнера. Однако оно может оказаться справедливым (ср., например, подходы А. Геттнера и И. Валлерстайна).

В данном случае подход А. Геттнера недостаточно улавливает взаимосвязи в экосистемах, речных бассейнах, взаимодействие регионов разного ранга (допустим, экономических районов, созданных в 1920-е годы, и традиционных мезорегионов). А.М. Смирнов считал, что концепция А. Геттнера вообще не позволяет учитывать процессы территориального разделения труда.

Стратегии учёта неоднородности пространства. Неоднородность пространства – следующий логический шаг после выделения исследователем пространственных объектов. Учёта неоднородности пространства, обществовед и географ уже могут переходить к различным конструкциям, моделям, реализуя свою исследовательскую задачу.

Учет неоднородности пространства может осуществляться посредством различных стратегий. Здесь мы выделим две такие стратегии.

1) Неоднородность пространства – это исходная данность, дающая возможность реализовывать различные стороны географического мышления и предполагающая значительную роль интуиции и профессионального опыта исследователя. Судя по всему, классики географии, в частности, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, ориентировались на такую или на сходную стратегию, в частности в знаменитой многотомной серии [24]. Образно можно сформулировать, что в данном случае географ предпочитает начинать исследование с “ра-

зобранной на отдельные винтики” картиной интересующего его фрагмента пространства. Пример реализации данной стратегии – *модель этнокультурного градиента* в работах А.А. Гриценко и автора настоящей статьи [6 и др.]. В этой модели исходная неоднородность пространства в общих чертах сохраняется, однако конструируется некоторая система континуальных взаимопереходов на основе выявленных авторами качественных и количественных характеристик пространства.

2) С другой стороны, исходная неоднородность пространства может рассматриваться географами и обществоведами с точки зрения необходимости последующей трансформации ее в некоторый набор однородных пространств (ареалов и т.д.), в духе “Изолированного государства” И. Тюнена или идей Б.Б. Родомана о географической зональности (по сути, ее модели) как о чисто пространственном общегеографическом феномене. В отличие от первой стратегии, здесь в существенно большей степени предполагается применение различных формализованных подходов. Такая стратегия, очевидно, профессионально ближе современным географам, применяющим районирование и математические методы, а также увлекающимся картографической генерализацией. Эта стратегия, по-видимому, также ближе и большинству обществоведов, традиционно ориентированных на пространство как на своего рода “монолит”. Вместо множества *разнородных* пространств обществовед стремится получить группу относительно однородных пространств – понятие “*однородность*” в большей степени соответствует мышлению обществоведов, чем “*неоднородность*”. Заметим, что многие построения теоретической географии 1960–1970-х гг. (например, В. Бунге, Б.Б. Родомана, А.М. Смирнова) были ориентированы на подобную редукцию – *сведение неоднородности к однородности*. Напомним, что в работах тех лет активно использовалось понятие “пространственная редукция”. Современным примером реализации данной стратегии, с нашей точки зрения, могут быть работы В.Л. Каганского (например, [13]), посвященные “внутренней периферии”. В этих работах “внутренняя периферия” выделяется посредством жестких дискретных границ, предполагающих значительную картографическую генерализацию.

Возможные причины невнимания обществоведов к фактору пространства. Однако в большинстве случаев обществоведы склонны игнорировать фактор пространства. По мнению П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко, А.Н. Пилясова [19, с. 33], “вездесущность пространства в жизни общества стала одной из причин, по которой

его неоднородность не принимали в качестве источника различия в социальных структурах и процессах”. Наряду с этим авторами выделяются такие причины, как рост неопределенности и возникновение неоднозначности в эволюционных схемах общественного развития при попытках учета фактора пространства. Мы бы сказали, что отсюда следует, что конечной причиной невнимания к фактору пространства оказывается отказ от эксперимента в теории как проявление жёсткого экономического редукционизма.

В то же время Л.В. Смирнягин [28] усматривает основную причину невнимания к фактору пространства в науках об обществе (прежде всего – в социологии) в жестком противопоставлении “пространства” и “человека” – как результат неразвитости географического мышления, при котором “пространство” становится априори менее существенным, вторичным, пассивным фактором. “Увы, – пишет Л.В. Смирнягин, – почти все социологи и политологи страдают одним и тем же пороком (с точки зрения географов, конечно, не более): они твердо уверены, будто бы в социальных науках пространство можно вывести за скобки – хотя бы потому, что оно якобы не обладает собственными свойствами и нейтрально по отношению к социальным процессам. Для географов это, разумеется, неприемлемо. Поэтому им пришлось самостоятельно осваивать методологию региональной идентичности, исходя из базовой посылки, которая чужда всем социологам: социальное пространство обладает собственными свойствами, опосредующими социальные контакты людей...” [28, с. 180].

С нашей точки зрения, большую роль в пренебрежении фактором неоднородности пространства сыграло известное разделение наук на номотетические и идеографические. Если в рамках “описательных” наук фактор пространства традиционно учитывался в той или иной форме, то в “теоретических” науках пространство рассматривалось лишь как своего рода “пассивный поправочный коэффициент”, корректирующий фактор, связанный с нюансами местных условий; сами же теоретические конструкции оставались “внепространственными”, точечными (примеры – классические марксистские и гегельянские схемы).

Географическое пространство и науки об обществе. Науки об обществе хотя и должны учитывать “фактор географического пространства” (прежде всего “фактор неоднородности географического пространства” далее – “геопространства”), делают это в ограниченной степени. В результате возникают и накапливаются систематические

ошибки, которые далеко не всегда обнаруживаются исследователями и практиками – особенно с учетом того обстоятельства, что в науках об обществе обычно невозможен эксперимент, по крайней мере, как он понимается в естественных науках.

В науках об обществе географическое пространство обычно полагается внутренне однородным по своим качественным параметрам, слабо дифференцированным и в конечном счете не самым существенным из учитываемых факторов; культурные особенности и территориальная дифференциация учитываются лишь с формально-типологической точки зрения (сеть административно-территориального деления, различные группировки государств, уровень экономического развития, размеры населенного пункта и др.). Дискретность географического пространства, на которую ориентирован обычный рабочий инструментарий географов, нередко вызывает недоумение у обществоведов. Одно из хорошо известных исключений – книга Ф. Броделя “Что такое Франция”, лейтмотив первой части которой заключается в пафосе непрерывного дробления историко-культурного пространства Франции на все более мелкие единицы, обладающие чрезвычайно высокой специфичностью, непохожестью друг на друга [1].

Другое исключение – работы историков по исторической географии. Заметим, что с точки зрения географов такие работы не всегда достигают той степени “пространственной упорядоченности” материала, которая привычна для географа. Однако историки в рамках исторической географии обычно учитывают существенно более широкий круг явлений, по сравнению с теми, что традиционно изучаются географами. Историков интересуют многочисленные явления в пространстве, которые далеко не всегда могут иметь достаточно конкретную “привязку на местности” (различные сферы идеологии, языка, религии и др.). Впрочем, историки, даже вторгаясь в предметное поле исторической географии, в отдельных случаях могут терять интерес к пространственным реалиям прошлого. Так, например, А.В. Подосинов [21], обсуждая вопрос о месте Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота, сводит вопрос к филологическим нюансам, оставляя без внимания проблему собственно Скифии, никак не пытаясь гипотетически реконструировать ее местоположение.

Отсутствие общепринятой системы учета фактора пространства (и различных местных особенностей), которая помогала бы избегать накопления различных погрешностей, в сочетании с доминирующей ориентацией науки на построение

гипотез (в стиле западной науки), а не на эмпирическое обобщение (в смысле В.И. Вернадского), в конечном счете способствует ассимиляции этих погрешностей.

Накопление погрешностей происходит также и в связи с тем, что в отдельных случаях фактор геопространства объективно *играет не “слишком большую”* роль (хотя без соответствующих исследований конкретно судить об этом нельзя), и поэтому они могут оставаться незамеченными. Однако постоянная аккумуляция таких погрешностей порой достигает значительной величины, что приводит к искажению результатов эмпирических исследований, расчетов и рассуждений.

Часто встречаются весьма дискуссионные теоретические конструкции в случае увлечения моделями “идеального типа”. Обществоведов увлекает это понятие, освященное именами К. Маркса и М. Вебера, обладающее параллелями (вдохновляющими многих социологов и политологов) с идеальным газом в физике и как будто открывающее дополнительные возможности для теоретизирования.

Географам представляется зачастую почти кощунственным стремление проводить такие обобщения, когда конструируются общие черты, заведомо не вполне соотносимые с многообразием конкретики, игнорируется индивид как целостность и парадоксальным образом постулируется отказ от поиска субъектов исторического процесса. Для географа странно слышать о европейском, буржуазном или капиталистическом обществе с экономикой Англии, политикой Франции, милитаризмом Германии и т.д.: “Если не в идеале, то по крайней мере в пределе социальная и политическая наука ... стремится сконструировать более или менее общий, целостный, хотя, конечно, и нигде не существующий в чистом виде “тип” того общества, с которым наиболее естественным образом соотносится общество изучаемое” [12, с. 11]. В свете такой методологии многие авторы конструируют “идеальный тип” России, не претендующий на обязательное эмпирическое подтверждение российскими реалиями. Один из примеров конструирования идеального типа – расхожий тезис “Россия – северная крепостническая страна”. Другой пример – доктрина государства-нации, оставляющая без внимания *фактическую идентичность* населения различных территорий.

По причине невнимания к фактору геопространства обществоведам не удалось создать обоснованную таксономическую систему, например, подобную той, что имеется у биологов. Неясно, каково соотношение культурно-исторических

типов Н.Я. Данилевского, является ли при этом Россия специфическим автономным подтипом европейского типа, или все же она – самостоятельный тип, не соединяемый с европейским? Существуют ли переходные между Россией и Западом культурно-исторические подтипы?

Своеобразными антагонистами геопространства становятся ставшие популярными понятия “сеть”, “сетевой ландшафт”, “сетевое общество”, адекватная интерпретация которых в географическом контексте пока отсутствует. Примерами могут служить трактовка М. Кастельсом перспектив развития сетевого общества в России, “искореняющим” традиционное для России значение фактора геопространства в геополитике, идентичности, литературе и т.д. [14]; преувеличение роли “сети” в развитии и активизации “зеленых” экологических движений в России – в ущерб общеизвестной роли местного сообщества – “первичной ячейки”, “молекулы” социального пространства.

Пытаясь осмыслить такой дефицит внимания обществоведов к фактору геопространства, мы сталкиваемся с распространенной особенностью мышления (унаследованной в нашей стране от марксизма), когда местная конкретика и специфика считаются чем-то частным, “особенным”, а “целое”, игнорирующее такую специфику, – “всеобщим”, предполагающим возможность незнания или относительную несущественность знания частей для понимания целого. В предельном случае это “целое” не структурировано и не дифференцировано (способ производства, “дух” в философии истории Гегеля).

В обществоведческой традиции сформировалось мнение, что местные особенности, местная специфика, – это всего лишь “частное проявление” (как бы интеллектуально мало значимое) общих закономерностей, а не “местное отклонение” от общих, обычно экстерриториальных, закономерностей, которое должно было бы заинтересовать (заинтриговать) исследователей, но которое считается обществоведами своего рода аномалией, от чего, в конечном счете, необходимо избавиться. Примером могут быть рассуждения упоминавшегося нами теоретико-географа А.М. Смирнова [27].

Серьезный довод против описанной концепции жесткой целостности пространственных образований, содержащий философскую аргументацию, уже успевшую войти в “здоровый смысл”, – целое больше своих частей, мы обнаружили у А.А. Зиновьева [11], где с позиций формальной логики доказано, что “часть” не обязательно меньше “целого”. Ряд ситуаций, хорошо вписывающихся

в эту логику, описаны И.Н. Волковой, М.П. Крыловым [3].

В утопическом сознании обществоведов преодоление местной специфики часто видится своеобразной целью прогресса или же прогнозируемой чертой будущего, в то время как местная специфика связывается с “отсталостью”, даже “племенным” началом (несмотря на общие рассуждения о пользе культурного разнообразия). Акцент на местную специфику часто вызывает подозрение в смысле расизма, биологизма, национализма, сепаратизма, ксенофобии и т.д. В связи с этим перед исследователями ставятся ограничения, в настоящее время часто формулируемые в терминах политкорректности. Моноцентризм в объяснении происхождения человека считается предпочтительнее полицентризма. Признание существенных биологических и культурных различий между человеческими расами считается проявлением “фобии” или превосходства одной расы по отношению к какой-либо другой, хотя из факта возможной (вовсе не обязательной) их нетождественности или разнокачественности никак не вытекает идея культурного или иного превосходства — о каком-либо превосходстве можно говорить лишь для однокачественных явлений. Славянофилы помещаются в один логический ряд с германофилами, трактуемыми в контексте мировых войн. Остается практически неразрешимый вопрос: существуют ли “общечеловеческая культура и мораль” [7, 8]? Географы, регионалисты, а также этнографы здесь оказываются “заложниками” обществоведов и моралистов, что ограничивает возможности исследований. Лишь в самое последнее время А.Ф. Филипповым был выдвинут тезис, что хотя “научное знание и универсально”, «все-таки “национальная” или “региональная” специфика обнаруживается в научном социологическом знании почти всегда, в том числе и тогда, когда речь идет о фундаментальных теоретических проблемах» [29, с. 7].

Это — очень сильное утверждение. По сути, оно предполагает пересмотр многих традиционных представлений, который может осуществляться по-разному. Прежде всего, здесь должна идти речь о переформулировании постановки многих научных задач (интересно, что сами географы обычно скромнее по своим интеллектуальным претензиям по сравнению с обществоведами — они предпочитают лишь конкретизацию, “привязку к местности” нередко почти экстерриториальных теоретических положений смежников).

Здесь возникает известная проблема соотношения универсализма и уникализма (в связи с чем

необходимо сослаться на принцип методологического анархизма П. Фейерабенда и концепцию уникальности Р. Харшорна): *в какой мере закономерности, полученные для каких-то определенных стран и регионов мира, регионов внутри какого-либо государства, типов поселений (характерных для определенных типов регионов), а также методики, апробированные для таких регионов и поселений, применимы для других территорий и типов поселений?* Следуя такой логике, несложно прийти к умозаключениям о том, что, например, в одних случаях правомерным оказывается понятие “этнос”, в том числе в примордиалистском смысле, в других же случаях к этому понятию следует отнести весьма критически; сюда можно добавить проблемы азиатского способа производства, феодализма, города. По существу, соответствующий список может быть весьма обширным; например, региональная идентичность, субэтнос, местное сообщество могут и должны иметь в разных странах свои особенности. Поэтому определение этих понятий в разных культурных и географических контекстах может (должно) быть, соответственно, различным.

Данная проблема связана также с взаимодействием внутри общественных наук, обычно тесно связанных между собой, однако имеющих несовпадающие исследовательские приоритеты, например, различную ориентацию на индивидуальное и типическое, на индукцию и дедукцию, на соотношение универсального и уникального. Экономисты чаще настаивают на приоритете универсального, этнографы стремятся в каждой макрообщности найти уникальное. В то же время в географии и социологии разные научные школы трактуют этот вопрос по-разному. Возможно, что применимость разных методологий, теорий и концепций (этнографических, социологических, политологических, экономических, географических) объективно различна для разных стран, макро-, а иногда и мезорегионов, наций, этносов, культур, общностей, не говоря уже о цивилизациях и культурно-исторических типах (пространственные границы которых не всегда очевидны).

Такая позиция иногда воспринимается как излишне “нигилистическая”, а также содержащая риск значительного усиления субъективизма в исследованиях. С нашей точки зрения неопределенность, дополнительно возникающая при введении учета фактора пространства, как уже отмечалось [19], может (должна) преодолеваться (минимизироваться) посредством выявления ранее не освоенного эмпирического материала и его теоретического осмысления.

Для эмпирических исследований очень важно тщательное обоснование выбора и характера учета *модельных полигонов, ключей*, выявление степени их *типичности и уникальности*, “*массового*” и “*редкого*” для территорий разного пространственного уровня.

Представляется, что при ориентации исследований на дихотомии *массовое – редкое, типичное – уникальное* необходимо руководствоваться общим методологическим принципом, а не ссылками на (часто противоречащие друг другу) прецеденты различных наук об обществе и географии.

Необходимо учитывать – и “*массовое*” и “*редкое*”, и “*типичное*” и “*уникальное*”. Такой подход – это пример дополняющих друг друга “*двойственных эвристик*” (концепция “двойственных эвристик” была выдвинута Ю.А. Шрейдером на основе обобщения переписки А.А. Любищева; первоначальная идея принадлежит (1971 г.) С.Ю. Маслову [31, с. 152]). Ученый может (должен) дополнять более традиционную в исследовательской практике ориентацию на “*массовое*” ориентацией на “*редкое*” [31].

Отчасти проблема “*массового – редкого*” (не путать с понятиями “дефицит”, “редкость”, применяемыми в экономической науке и имеющими совсем другой смысл!) учитывается исследователями, например, в геохимии, в исторических науках, однако в целом – скорее как исключение из доминирующего правила ориентироваться на массовые тенденции.

Выявление “*типичного*” и “*уникального*” – стадия исследования, предшествующая обнаружению “*массового*” и “*редкого*”, хотя в принципе лежит в том же “*ключе*”, именно поэтому критика концепции уникальности Р. Хартшорна сторонниками “*количественной революции*” считается нами методологически ошибочной в принципе, а не только затрудняющей рутинный анализ эмпирического материала.

Полигоны и ключи призваны отражать социокультурные и социально-экономические явления, определенным образом выраженные в геопространстве, однако их подбор, в конечном счете, субъективен. Большинство имеющихся теорий в науках об обществе и человеке, включая экономическую науку, а также в “описательных” естественных науках *традиционно* отбирает какие-то “*модельные случаи*”, подбирая ситуации, соответствующие какой-то *идее* (а не наоборот, то есть большинство теорий на самом деле не идет по пути эмпирического обобщения материала – с достижением неопределенного, заранее не предполагаемого результата, а предполагает ту или иную

степень “*подтасовки*” эмпирического материала “под определенную идею”, гипотезу). Здесь можно сослаться на известное выражение, что для своей теории NN подобрал “Монблан фактов”, но можно подобрать также “Монблан фактов” для теории, утверждающей прямо противоположное, что и сделал в своей теории VV (наиболее известный случай – теории эволюции Ч. Дарвина и Л.С. Берга; судя по новейшим публикациям, таким же образом могут быть противопоставлены монетаризм и кейнсианство – каждая из этих экономических научных школ имеет свою собственную эмпирическую базу, подтверждающую ее правоту).

В работах отечественных социологов нами не обнаружено стремление к концептуальному обоснованию фактора пространства, его неоднородности. По умолчанию предполагается исходная относительная однородность, отчасти даже взаимозаменяемость исследуемых территорий, которые уже *после* проведенного исследования получают интерпретацию как различающиеся (количественно, а также качественно) в тех или иных отношениях.

Понятно, что *отсутствие представлений о структуре геопространства* (или: субъективизм, произвол в таких представлениях) создает возможности для существования обширного круга взаимоисключающих концепций и теорий, каждая из которых претендует на определенную степень эмпирической обоснованности. Некорректными за счет неверного учета фактора геопространства могут оказаться и выборки в прикладных социологических исследованиях. Сами социологи-практики, работающие с *общероссийским* массивом данных, обычно говорят, что их выборки являются “*географически нерепрезентативными*”, но это их почему-то не смущает – фактор географического пространства постулируется несущественным.

Соответственно, отсутствуют представления о региональной репрезентативности и ее критериях, – при этом нет выделения сторон жизни общества, которые: а) условно могут так или иначе фиксироваться вне жесткой региональной привязки и б) для которых это совершенно недопустимо (без региональной “привязки” теряется смысл явления).

На языке статистики в данном случае можно утверждать, что без знания генеральной совокупности *репрезентативность выборок более чем проблематична – в том случае, если наблюдается качественная неоднородность геопространства и если существенны не учитываемые позиционные эффекты*. Практическая социология оперирует данными порядка 1000–1500 респондентов по РФ

в целом; с другой же стороны, обычно считается, что осмысленный для содержательного анализа минимум респондентов в городе величины порядка 300 тыс. чел. составляет приблизительно 100 чел.

Неясно, как быть с возникающим *порочным кругом*: допустим, что для выявления сети полигонов нужно провести соответствующее районирование, но *до* получения необходимой для проведения районирования информации мы не можем выявить специфику пунктов, из числа которых мы предполагаем конструировать нашу сеть полигонов. Отчасти эту проблему можно преодолевать экспертно, особенно в случае электоральной географии, – фактически это и делают социологи на местах. Однако для получения *новой* информации о качественно *новом* срезе реальности данные социально-политического мониторинга, который ведется на местах, такие экспертные подходы пригодны в лучшем случае лишь частично. А для изучения социально-политических и культурных предпочтений населения РФ по данным о 1000–1500–2000 респондентов, как это делают ВЦИОМ, ФОМ и др., указанная задача может оказаться нерешаемой. В таком случае социологами принято “случайно” выбирать “репрезентативные” города, например, для Черноземья “репрезентативным”, судя по имеющимся публикациям, обычно оказывался Липецк, но не Тамбов или Курск, что, очевидно, давало заведомо искаженную информацию. *Непонятно, как в принципе можно, используя теорию вероятности, но не зная генеральную совокупность, решать проблему “географической репрезентативности” выборов*¹.

Новейший пример методологического и методического курьеза, связанного с непониманием фактора пространства, содержится при попытке анализа территорий Украины, исходя из шкалы мировых сравнений [25].

В целом в исследовательской практике ситуация, связанная с неупорядоченностью критериев и их пространственной неопределенностью, приводит к появлению в той или иной степени противоречащих друг другу результатов исследований *социо-*

культурных процессов и состояний (ср., например, [16], [18], [23]).

Культурная география как связующее звено наук об обществе: проблема “приземленности” и моделирования. С нашей точки зрения, дальнейшее развитие культурной географии (КГ) было бы эффективным на основе преодоления крайностей номотетического и идиографического подходов (в частности, необходимо оказаться от жёсткой позиции, связанной отказом от понятий “индивидуализация” и “индивид” (в данном случае – “географический индивид”, по Л.С. Бергу) применительно к теоретизированию. С другой стороны, различные рутинные процедуры, связанные с обобщением фактического материала, должны, как представляется, быть в большей степени ориентированы на поиск “редкого” и предполагать сочетание как “местных отклонений”, так и “местных проявлений” гипотетических тенденций и закономерностей, как подтверждая эти тенденции и закономерности, так и опровергая их.

Таким образом, обсуждение вопроса о методологических и теоретических проблемах учета фактора пространства в науках об обществе приводит нас к достаточно простому и представляющемуся очевидным тезису: центральную, ведущую роль в преодолении описанной ситуации учета “фактора пространства” призвана играть именно КГ как наука о многообразии местных условий (подчеркнем, что “местные условия” – это неизбежно и прежде всего местные *культурные* условия) и о культурном пространстве. КГ призвана играть такую роль прежде всего по отношению к истории, политологии, социологии. Этнография (этнология) как наука, генетически близкая культурной географии, также может перенимать ее подходы, трансформируя их в свете собственной научной традиции. В то же время экономическое пространство в значительной степени подчинено в своем развитии другим закономерностям, в которых местные условия очень часто вынуждены быть пассивными акторами, хотя возможны и исключения – например, региональная идентичность как стимул местного развития [16].

Такое – назовем его “*неоклассическим*” – понимание КГ нацеливает на сочетание принципа *уникальности* и *сравнительного метода* с идеями *теоретической географии* (что могло бы показаться парадоксальным, странным или невозможным инициаторам западной “количественной революции, ниспровергавшим в свое время более известного им Хартшорна и менее известного им Геттнера) [15]. Это можно считать в каком-то смысле возрождением подхода А. Геттнера,

¹ В случае электоральной географии может возникать фактор прецедента в политическом поведении и его географических вариациях. Однако электоральное поведение – это лишь один из срезов реальности, который далеко не всегда может играть роль интегрального индикатора. Электоральное поведение не является ни предпосылкой регионально-локальных социально-политических процессов, ни детерминантом местных культурных констант, а, напротив, само определяется этими процессами и константами.

писавшего, что “география – как в конце концов и все конкретные науки, но в разной степени, – является и идиографической, и номотетической наукой одновременно” [4, с. 202]. Заметим, что, вопреки тому, что пишет о Геттнере большинство российских географов (“Геттнер как апологет описательной географии, страноведения”; это может считаться и достоинством, и недостатком [15]), сам Геттнер критикует неокантианцев за противопоставление индивидуализации и обобщения, номотетических и идиографических наук, а также за “сильное ударение на индивидуальное в сравнении с общим” [4, с. 200] и стоит, таким образом, на позиции, которую в свете современных дискуссий (В.А. Шупер – В.Л. Каганский) можно назвать отказом от сведения теоретической географии к математической географии: “задача сравнения, как такового, исчерпывается проверкой гипотезы на фактах; ибо твердой составной частью науки знание может считаться лишь тогда, когда причинная связь явления и гипотетически допущенной причины будет выведена из их сущности, когда, следовательно, к индуктивному методу присоединяется дедукция” [4, с. 172–173]. Примером здесь может быть вводимый нами (в развитие идей Б.Б. Родомана начала 1970-х гг.) принцип *саморазвития культурного ландшафта* [17]. Играя эвристическую роль, он является и теоретическим конструктом, однако основанным на изучении многообразия местных условий.

Далее нами излагаются некоторые существенные моменты авторского понимания КГ, преимущественно связанные с исследованием региональной идентичности. С точки зрения автора, назрела необходимость уточнения идей и принципов проведения культурно-географических исследований. Это связано с тем, что в последнее время КГ стала пониматься весьма сужено, нередко при фактически полном отказе от традиционных направлений. Это касается как отечественных, так и зарубежных (например, [32]) авторов. Представляется, что в культурно-географических исследованиях необходимо в существенно большей (на порядок!) степени уделять внимание изучению конкретных территорий, но одновременно стремиться к построению оригинальных научных теорий. Такие теории имели бы значение не только для КГ как таковой, но и для других наук об обществе (что в том числе соответствует и представлениям Б.Б. Родомана о содержании теоретической географии).

Что же нас заставляет относиться скептически к ряду новых направлений в КГ (которые часто выступают под флагом философии и культурологии)? Регулярное ознакомление с этими работами приводит к мысли, что авторы многих публика-

ций не ставят себе целью поиск каких-то местных форм упорядоченности реального пространства. В особенности это касается пространства ментального, связанного с мирозерцанием и мировоззрением как конкретных людей, так и местных сообществ в целом, традиции исследования которого восходят к истории, антропогеографии и этнографии. В то же время ставшие весьма популярными, в том числе и далеко за пределами географии, “географические образы” как продукт КГ неизбежно оказываются типологически обобщенными и в каком-то смысле внепространственными, являясь своего рода разновидностью “идеальных типов” – но “идеальных типов” по отношению к чему?

Ответ на этот вопрос нам представляется совсем не очевидным. В большинстве случаев, упоминаемых в работах, посвященных “географическим образам”, они (географические образы) являются вводимой исследователем интерпретацией различных конструкций и образов, уже фигурирующих в литературе (очень часто – художественной), реже – в городском и сельском фольклоре, или же циркулирующих во властных структурах разного ранга (бренды территорий, этнонациональные эталоны). Такие исследовательские интерпретации существуют параллельно (помимо, вне) ментальной реальности самих людей, представляя собой своеобразный “номинализм наоборот”. У конструктора географических образов появляется соблазн соорудить новую географическую реальность (в связи с этим, надо полагать, и был реанимирован термин “метагеография”, предложенный еще в 1968 г. В.М. Гохманом, Б.Л. Гуревичем, Ю.Г. Саушкиным [5]). Соответственно, географические образы часто рассматриваются как своего рода культурный генотип, или социокод различных социокультурных процессов и состояний, как исходная, но не завершающая стадия формирования культурной реальности.

Необходимо также обратить внимание, что в рамках конструирования и моделирования географических образов возникает опасность реабилитации старых стереотипов (различные мифы о “национальном характере”, о “любви к кнуту” и др.).

Определенное объяснение для такой логики возникает, если считать моделирование географических образов частным случаем моделирования вообще. Отсюда и проистекает, в частности, обычное дистанцирование моделирования от собственно методологии (поскольку моделирование само претендует на роль методологии, в определенных рамках являясь самодовлеющим). Специфика коллизии, связанной с моделированием

географических образов, заключается в том, что не предполагается сколько-нибудь тщательное изучение реальности: допускается достаточность фрагментарного изучения реальности с помощью метода моделирования, при этом сама реальность может быть редуцирована до одной из авторских гипотез.

Делая акцент на образ, а не на реальность, КГ включается в проблематичные интеллектуальные игры, связанные, например, с так называемым “конструированием идентичности”, в рамках которого изучение (и учет!) реально существующей идентичности по умолчанию считается либо не интересным (не актуальным), либо несущественным. Фактически культур-географы, независимо от их субъективной гражданской позиции, действуют в рамках идеологии, допускающей необходимость и возможность тотального подчинения людей политической инженерии, применение которой становится возможной благодаря якобы отсутствию у людей устойчивых нравственных, культурных и иных предпочтений. Эти предпочтения, согласно логике конструктивистов, должны заимствоваться людьми извне и участвовать в формировании идентичности и исторической памяти как якобы являющихся продуктами сферы политики, но не личного или коллективного выбора самих людей или традиции. «Феномен социальной сплоченности скорее “изобретается”, а не “обнаруживается”, то есть является сконструированным» [20, с. 138]. Теория моделирования географических образов дает здесь обществу-конструктивистам необходимое логическое звено, чем и объясняется популярность этой теории за пределами географии.

Заключение. Самое существенное замечание возникает у нас в связи потерей КГ объективно и традиционно присущей ей роли в системе “разделения труда” между науками – связующего звена между различными разделами географии, этнографией, политологией, социологией.

Представляется, что именно КГ способна – благодаря своей нацеленности на местную специфику – фиксировать важные “болевые точки”, парадоксальные нюансы и другие особенности географического пространства, изучаемые также и науками об обществе. Специфика КГ – традиционный идеологический нейтралитет (хотя теория моделирования географических образов пытается стать политически ангажированной). КГ учитывает ценностную ориентацию людей, но обычно не переходит ту грань, за которой начинает доминировать разного рода субъективизм.

К сожалению, традиции КГ в значительной мере оказались нарушенными или даже прерванными.

Однако в перспективе КГ призвана играть активную роль, прежде всего благодаря весьма высокому значению культуры в социуме (в связи с чем следует упомянуть классические работы М. Вебера, К. Полани, Ф. Броделя).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Что такое Франция? // Пространство и история. М.: Изд-во Сабашниковых, 1994. 406 с.
2. Вайль П. Гений места. М.: КоЛибри, 2007. 485 с.
3. Волкова И.Н., Крылов М.П. Структурные уровни геопространства // Третий всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии. Одесса-Киев: Наук. думка, 1977. С. 66–68.
4. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы / Пер. с нем. под ред. Н.Н. Баранского. М.-Л.: Госиздат, 1930. 416 с.
5. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии / Математические методы в географии // Вопр. географии. М.: Мысль, 1968. Сб. 77. С. 3–15.
6. Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. С. 126–140. URL: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/53>.
7. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 3–12.
8. Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии “универсализм – партикуляризм” // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 13–29.
9. Забелин И.М. Теория физической географии. М.: Географгиз, 1959. 304 с.
10. Забелин Н.М. Физическая география в современном естествознании. Вопросы истории и теории. М.: Наука, 1978. 336 с.
11. Зиновьев А.А. Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
12. Зубов А.Б., Салмин А.М., Тайван Л.Л. Есть ли будущее у политологии Востока? // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып. 1. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы. ИВ АН СССР, 1991. С. 8–23.
13. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Автореф.: дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 2012. 26 с.
14. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.

15. Крылов М.П. Методология А. Геттнера и современность. Точка зрения исследователя в контексте российских реалий // История наук о Земле. Сб. Вып. 3. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 297–322.
16. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
17. Крылов М.П., Гриценко А.А. Саморазвитие культурного ландшафта как эвристический принцип // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки, 2013. № 23 (282). С. 186–205.
18. Латин Н.И., Маркин В.В., Дробижева Л.М., Халий И.А. Трансформация социокультурного пространства России. Глава 5 // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 162–189.
19. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Пилясов А.Н. Концептуальные основы пространственного подхода. Глава 1 // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 31–43.
20. Мусихин Г.И. Идеология и история // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 134–146.
21. Подосинов А.В. Место Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота // Книга картины Земли. Сб. в честь И.Г. Коноваловой / ИВИ РАН. М.: Индрик, 2014. С. 212–230.
22. Ретеюм А.Ю. Физико-географические исследования и системный подход // Системные исследования. Ежегодник – 1972. М.: Наука, 1972. С. 90–110.
23. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. М.: Наука, 2005. 396 с.
24. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. Семёнова В.П. и общим руководством Семёнова П.П. и акад. Ламанского В.И. Т. 1 – Т. 19. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1899–1913.
25. Руднев М., Вакарюк В., Лейбин В. Братья или чужаки? Базовые ценности разных регионов России и Украины: социологическое исследование Русского репортёра // Русский репортёр. 2014. 23–30 октября. С. 32–36.
26. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.–Л.: Госиздат, 1928. 312 с.
27. Смирнов А.М. Общегеографические понятия // Теоретическая география. Вопросы географии. Сб. 88. / Отв. ред. Гохман В.М., Саушкин Ю.Г. М.: Мысль, 1971. С. 29–64.
28. Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177–186.
29. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
30. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Отв. ред. Котляков В.М. М.: Медиа-Пресс, 2013. 663 с.
31. Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник – 1975. М.: Наука, 1976. С. 149–171.
32. Cresswell T. Place. A short introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. 153 pp.
33. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens & J.H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 309–324.

REFERENCES

1. Braudel F. *Chto takoe Frantsiya? Kniga 1: Prostranstvo i istoriya* (What is France? Book 1: Space and History). Moscow: Sabashnikovyykh Publ., 1994. 406 p.
2. Vail P.L. *Genii mesta* (Genius Loci). Moscow: KoLibri, 2007. 485 p.
3. Volkova I.N. and Krylov M.P. Structural levels of geographical space, in *Tretii Vses. simp. po teoreticheskim voprosam geografii* (Third All-Union Symp. on Theoretical Problems of Geography). Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1977, pp. 66–68. (In Russ.).
4. Hettner A. *Die Geographie. Ihre Geschichte, ihr Wesen, und ihre Methoden*. Breslau: F. Hirt, 1927. (cit. by: Hettner A. *Geografiya, ee istoriya, sutschnost' i metody* (Geography, its history, nature and methods / N.N. Baranskiy, Ed. M.-L.: Gosizdat, 1930, 416 p. (In Russ.)).
5. Gokhman V.M., Gurevich B.L. and Saushkin Yu.G. Problems of metageography, in *Voprosy geografii. Sb. 77: Matematicheskie metody v geografii* (Problems of Geography, Vol. 77: Mathematical Methods Applied in Geography). Moscow: Mysl' Publ., 1968, pp. 3–15. (In Russ.).
6. Gritsenko A.A. and Krylov M.P. Ethno-cultural gradient: regional identity and historical memory in neighboring regions of Russia and Ukraine. *Kul't. Gumanit. Geogr.*, 2012, vol. 1, pp. 126–140. (In Russ.). <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/53>
7. Guseinov A.A. About absolute morality. *Vopr. Filos.*, 2003, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.).
8. Dallmayr F. Global ethics: beyond universalism and particularism. *Vopr. Filos.*, 2003, no. 3, pp. 13–29. (In Russ.).
9. Zabelin I.M. *Teoriya fizicheskoi geografii* (Theory of Physical Geography). Moscow: Geografiz Publ., 1959. 304 p.

10. Zabelin I.M. *Fizicheskaya geografiya v sovremen-nom estestvoznanii. Voprosy istorii i teorii* (Physical Geography in Modern Natural Science: Problems of History and Theory). Moscow: Nauka Publ., 1978. 336 p.
11. Zinov'ev A.A. *Logika nauki* (Scientific Logics). Moscow: Mysl' Publ., 1971, 279 p.
12. Zubov A.B., Salmin A.M. and Taivan L.L. Is there a future of political science of the East? in *Retrospektivnaya i sravnitel'naya politologiya. Publikatsii i issledovaniya* (Retrospective and Comparative Political Science: Publications and Studies). Moscow: Nauka Publ., 1991, no. 1, pp. 8–23. (In Russ.).
13. Kaganskii V.L. Spatial patterns of cultural landscape of modern Russia, *Extended Abstract of Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Inst. Geogr., Ross. Akad. Nauk, 2012. 26 p.
14. Castells M. and Kiseleva E. Russia and network society. *Mir Ross.*, 2000, no. 1, pp. 23–51.
15. Krylov M.P. Methods of A. Hettner and a present: point of view in the context of Russian present, in *Istoriya nauk o Zemle* (History of the Earth's Science). Moscow: Inst. Istor. Estestvozn. Tekhn., 2009, no. 3, pp. 297–322. (In Russ.).
16. Krylov M.P. *Regional'naya identichnost' v Evropeiskoi Rossii* (Regional Identity in European Russia). Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2010. 240 p.
17. Krylov M.P. and Gritsenko A.A. Self-development of cultural landscape as a heuristic principle. *Visn. L'ugan. Nats. Univ. im. T. Shevchenka, Sotsiol. Nauki*, 2013, no. 23 (282), pp. 186–205. (In Russ.).
18. Lapin N.I., Markin V.V., Drobizheva L.M. and Khalii I.A. Transformation of socio-cultural space of Russia, in *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* (Fundamental Problems of Spatial Development of Russian Federation: Interdisciplinary Study). Moscow: Media Press, 2013, pp. 162–189. (In Russ.).
19. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. and Pilyasov A.N. Conceptual principles of spatial approach, in *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* (Fundamental Problems of Spatial Development of Russian Federation: Interdisciplinary Study). Moscow: Media Press, 2013, pp. 31–43. (In Russ.).
20. Musikhin G.I. Ideology and history. *Obshch. Nauki Sovrem.*, 2012, no. 1, pp. 134–146. (In Russ.).
21. Podosinov A.V. Place of Scythia in geographical picture of the world of ancient Greeks until Herodotus period, in *Kniga kartiny Zemli: Sbornik v chest' I.G. Kononovoi* (A Book of the Earth: Collection of Research Works Dedicated to I.G. Kononovoi). Moscow: Indrik Publ., 2014, pp. 212–230. (In Russ.).
22. Reteyum A.Yu. Physical-geographical studies and systemic approach, in *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik – 1972* (Systemic Studies: Yearbook of 1972). Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 90–110. (In Russ.).
23. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii. Opyt sotsiologicheskogo analiza* (Russian Identity in Conditions of Transformation: Experience of Sociological Analysis), Gorshkov M.K. and Tikhonova N.E., Eds., Moscow: Nauka Publ., 2005. 396 p.
24. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva* (Russia: Complete Geographical Description of Our Nation), Semenov V.P. and Lamanskii V.I., Eds. St. Petersburg: A.F. Devriena Publ., 1899–1913, vol. 1.
25. Rudnev M., Vakaryuk V. and Leibin V. Brothers or strangers? Basic values of different regions of Russia and Ukraine: social study of *Russkii Reporter* journal. *Russ. Rep.*, 2014, Oct. 23–30, pp. 32–36. (In Russ.).
26. Semenov-Tyan-Shansky V.P. *Raion i strana* (Region and Country). Moscow: Gosizdat Publ., 1928. 312 p.
27. Smirnov A.M. General geographic definitions, in *Voprosy geografii. Sb. 88: Teoreticheskaya geografiya* (Problems of Geography, Vol. 88: Theoretical Geography), Gokhman V.M. and Saushkin Yu.G., Eds., Moscow: Mysl' Publ., 1971, pp. 29–64. (In Russ.).
28. Smirnyagin L.V. Regional identity and geography, in *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* (Identity as a Subject of Political Analysis). Moscow: Inst. Mir. Ekon. Mezhd. Otnosh., Ross. Akad. Nauk, 2011, pp. 177–186. (In Russ.).
29. Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* (Sociology of a Space). St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008. 285 p.
30. *Fundamentals'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* (Fundamental Problems of Spatial Development of Russian Federation: Interdisciplinary Study), Kotlyakov V.M., Ed. Moscow: Media Press, 2013. 663 p.
31. Shreider Yu.A. Complex systems and cosmological principles, in *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik – 1975* (Systemic Studies: Yearbook of 1975). Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 149–171. (In Russ.).
32. Cresswell T. *Place. A Short Introduction*. Oxford: Blackwell Publ., 2009. 153 p.
33. Wallerstein I. World-systems analysis, in *Social Theory Today*, Giddens A. and Turner J.H., Eds. Cambridge: Polity Press, 1987, pp. 309–324.

Role of the Factor of Space in Social Sciences and Cultural Geography

M.P. Krylov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mpkrylov@yandex.ru

The importance of factor of geographical space for social sciences is discussed. The coordinates of time and space and the strategy of accounting of heterogeneity of geographical space are taken into account. It is shown that the systematic refusal from accounting of the factor of geographical space leads to an accumulation of errors and to the distortion of the real picture of the processes in the society. The popular term of “network society” (network landscape) in fact is an antagonist of geographical space. The Russian tradition to neglect the factor of geographical space in social sciences dates back to the K. Marx’s scheme: the general and the particular. Local features of the geographical spaces are considered as “parts” not going beyond the framework of “whole”. It is shown that such a construction is not mandatory and is wrong also from a theoretical point of view. In world practice, the alternative theories (in particular, the evolutionary theories of Ch. Darwin and L.S. Berg, the economic theories of monetarism and Keynesian economics) have different factual basis, including different fragments of geographical space. A priori interpretation of any fragments of geographical space as interchangeable by Russian sociologists leads to ill-founded conclusions. The current state of cultural geography is reviewed critically. The negative assessment of the refusal of traditions, causing little attention is paid to research of various local issues, is presented. The results of studies in the field of modeling of geographical images are critically reviewed. New trends in the development of cultural geography unite it with modern political technologies. From the point of view of the author, cultural geography should unit a thorough analysis of various local cultural conditions with theoretical generalizations.

Keywords: social sciences, cultural geography, geographical space, the methods of accounting for the factor of geographical space, the heterogeneity of geographical space, local cultural characteristics, traditions of cultural geography, neoclassical cultural geography.